

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)-8
Ш 88

Дизайн серии Александра Новикова

Оформление переплета *Юрия Щербакoва*

Штейн М. Г.

Ш 88 Ульяновы и Ленины : Тайны родословной Вождя / Михаил Штейн. – М. : Алгоритм, 2013. – 304 с. – (Политический бестселлер).

ISBN 978-5-4438-0327-2

На протяжении многих десятилетий даже исследователи жизни и деятельности В. И. Ульянова (Ленина) почти ничего не знали о его происхождении. А те, кто знал, не имели возможности говорить правду. Советская власть обнародовала версию о русском происхождении Ленина, тем самым полностью перечеркнув всю его семейную генеалогию.

В книге М. Г. Штейна рассматривается истинная родословная В. И. Ленина, история его предков по отцовской и материнской линии и ближайших родственников, в том числе немецких родов Курциусов, Вайцзеккероv и др.

Автор использует в своей книге документы и материалы из многочисленных российских архивов и работы немецких и шведских исследователей.

**УДК 94(47)
ББК 63.3(2)-8**

ISBN 978-5-4438-0327-2

© Штейн М.Г., 2013
© ООО «Издательство «Алгоритм», 2013

*Моей жене Маргарите Павловне
и сыновьям Игорю и Александру посвящается*

ТАЙНА СЕЙФОВ ЦЕНТРАЛЬНОГО ПАРТИЙНОГО АРХИВА

(вместо введения)

Открыв 22 апреля 1990 г. газету «Аргументы и факты», я с интересом и немалым удивлением прочел интервью племянницы В.И. Ульянова (Ленина)*, кандидата химических наук, доцента МГУ, Ольги Дмитриевны Ульяновой. Касаясь общих вопросов ленинианы, она утверждала, что свыше тридцати лет изучает ульяновские архивы и поэтому уверенно может обсуждать семейную генеалогию. Мне было непонятно, почему О.Д. Ульянова, утверждая, что предки по линии И.Н. Ульянова — «это русские люди», ничего определенного не может сказать о предках своей бабушки М.А. Ульяновой (в девичестве Бланк). «Она тоже русская, — пишет О.Д. Ульянова, — хотя бытует мнение о шведской ветви. Однако документально это не подтверждено»¹.

Непонятно, зачем весной 1990 г., когда фактически уже не действовала цензура, когда были сняты многие ограничения, тиражом 33 392 200 экземпляров заявлять об отказе от своих предков? Корректировать свою родословную, как в былые времена, когда власть предержавшие категорически запрещали даже намеки на присутствие нерусской крови в жилах В.И.? Зачем слепо следовать за бывшими «под-

---

* Далее — В.И.

ручными партии», которые выполняли указания свыше, не заботясь об исторической истине?

В качестве примера можно привести безапелляционные утверждения бывшего редактора «Горьковской правды» И.А. Богданова, писавшего в 1969 г.: «Мне не раз приходилось не только слышать, но и встречать в литературных источниках различные версии о национальном происхождении В.И. Ленина. Писалось, будто дед Ильича принадлежал к крещеным калмыкам. Были и другие утверждения (какие — И.А. Богданов не пишет. — *М.Ш.*). Конечно, за желание видеть в Ильиче, этом великом интернационалисте, черты своей нации трудно кого-либо осуждать.

Найденные в Астраханском и Горьковском архивах документы вносят абсолютную ясность в вопрос о национальной принадлежности деда и отца Ленина. В списках мужского населения Астрахани для рекрутского набора 1837 года записано: «Николай Васильев Ульянин, у него дети — Василий — 14 лет, Илья — 2 лет. Коренного российского происхождения».

Тут уж другие толкования исключаются. Вопрос о национальном происхождении, может быть, и не столь важный, но историческая чистота фактов — прежде всего².

С последними словами нельзя не согласиться. Поэтому, ознакомившись с интервью О.Д. Ульяновой, я решил рассказать о том, что мне известно по генеалогии В.И., изучением которой занимаюсь с 1964 г. Письмо на двенадцати машинописных страницах я отослал в редакцию газеты «Аргументы и факты», но ответа не получил. Спустя месяц вновь обратился в редакцию и просил сообщить о том, как поступили с моим письмом. И снова никакого ответа. Конечно, я понимал, что сообщенные мною факты требуют согласования публикации с ЦК КПСС, ведь я наступал на любимую мозоль тогдашнего партийного руководства — великодержавный шовинизм, открыто ставя под сомнение многолетние утверждения, что в жилах основателя и вождя коммунистической партии и Советского государства течет только русская кровь. Но редакция «Аргументов и фактов» вообще не сочла нужным мне ответить. Тогда я решил поискать в Ле-

нинграде (так тогда назывался Санкт-Петербург) печатный орган, который рискнул бы опубликовать мою статью. Благодаря помощи известной писательницы Н.С. Катерли рукопись оказалась в редакции органа ленинградского отделения Союза писателей газеты «Литератор». Ознакомившись с ней, главный редактор «Литератора» Г.В. Балувев дал «добро» на публикацию. Так статья, уже в расширенном виде, увидела свет.

Сразу после выхода «Литератора» с моей статьей³ экземпляр газеты был послан старшим научным сотрудником ленинградского филиала Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС доктором исторических наук, профессором Т.П. Бондаревской в головной институт. Но в ИМЛ, так же как и в Центральном партийном архиве ИМЛ, молчали.

Статья из «Литератора» была перепечатана в журнале «Слово» (1991, № 2) под названием «Род вождя», а затем и в ряде других изданий.

В 1992 г. вышла в свет книга А. Арутюнова «Феномен Владимира Ульянова (Ленина)»⁴, где он касается генеалогии В.И. (к некоторым моментам его трактовки этой темы я еще вернусь). Из моей статьи Арутюнов заимствовал генеалогическую схему, поместив ее на последней странице книги, после оглавления, в выходных данных. От себя он добавил в схему лишь пунктирную линию, указав, что «ветвь Ульянова — версия», а также дал краткие сведения о городе Упсала (перепутав, правда, город Упсала, который является родиной шведских предков Ульяновых и основан в XII в., с древней столицей Швеции, так называемой старой Упсалой, сгоревшей в 1245 г. и находившейся в 5 километрах от новой Упсалы). При этом Арутюнов «забыл» указать источник, откуда он извлек схему.

Вскоре после этого газета «Книжное обозрение» опубликовала письмо читателя Г. Лятиева, где он утверждал, что «генеалогическое древо» Ленина давно изучено и в 40-х годах опубликовано», и далее называл годом первой публикации в России — 1992 г., со ссылкой на книгу Арутюнова⁵.

Г. Лятиев ошибается. Почти всю генеалогию рода Ульяновых описала М.С. Шагинян в 1937 г. в романе «Билет по ис-

тории». Полностью ей это не удалось сделать до конца дней, хотя начиная с 1965 г., когда были выявлены документы о происхождении А.Д.Бланка, она предпринимала все от нее зависящее, чтобы это произошло. То, что не удалось сделать М.С. Шагинян, смог, как уже сказано, осуществить я.

Касается вопросов генеалогии В.И. и Д.А. Волкогонов в своей работе «Ленин. Политический портрет». Он совершенно справедливо пишет, что этническая характеристика В.И. всегда тщательно затушевывалась, наряду со стремлением придать ему, если не пролетарское, то хотя бы «батрацкое» происхождение, а в другом месте отмечает: «В официальных биографиях Ленина почти ничего не говорится о родителях матери и отца Ульяновых, об их национальном происхождении... Официальным биографам очень не хотелось отмечать редкое смешение крови в генеалогическом древе, на котором появился плод в лице Володи Ульянова. Ведь считалось естественным, само собою разумеющимся, что вождь российской революции должен быть русским!»⁶

На мой взгляд, Д.А. Волкогонов в последней фразе напрасно увел в подтекст мысль о том, что это считалось «естественным» только «И.В.Сталиным и его преемниками на посту руководителей партии и членами Политбюро всех созывов». Но главное сказал, упомянув все нации, давшие миру В.И. И это вызвало новый гнев шовинистов.

Такова предыстория снятия завесы секретности с родословной В.И. И сегодня есть силы, которые пытаются любыми путями скрыть правду об этом. Но генеалогия — наука точная, подтасовок не терпит. Только и изучать ее, и информировать общество о полученных результатах необходимо спокойно, без надрыва и идеологической зашоренности. Основатель аналитической психологии К.Г.Юнг писал: «Психология состояния тождества, предшествующего Я-сознанию, показывает, чем является ребенок благодаря влиянию родителей. Однако причинной связью с родителями едва ли можно объяснить, чем является ребенок как отличная от родителей индивидуальность. Можно даже рискнуть предположить, что не родители, а скорее генеалогии родителей (деды и прадеды, бабки и прабабки) явля-

ются подлинными породителями детей и больше объясняют их индивидуальность, чем сами непосредственные и, так сказать, случайные родители. Так же и подлинная душевная индивидуальность ребенка есть новое в сравнении с психикой родителей явление, не выводимое из ее особенностей. Она образует комбинацию коллективных факторов, присутствующих в психике родителей лишь потенциально и весьма часто совершенно невидимых. Не только тело ребенка, но и его душа происходит из ряда предков, поскольку этот ряд индивидуально отличен от коллективной души человечества»⁷.

Поэтому, чтобы понять В.И. как человека и политика, мы должны тщательно изучить его генеалогию.

Глава 1

КТО ВЫ, ДОКТОР БЛАНК?

1. ДЕЛО № 59

В 1964 г. я наконец решил прочитать давно приобретенный на книжном развале у здания бывшей петербургской Городской думы том произведений М.С.Шагинян¹. В нем сохранился, в частности, роман «Семья Ульяновых», о запрете первого издания которого в тридцатые годы я слышал еще будучи студентом Ленинградского финансово-экономического института.

Прочитанное поразило меня. До этого, как и подавляющее большинство советских людей, я был убежден: все сказанное в официальной краткой биографии В.И. — истина в последней инстанции. А здесь на меня обрушилась лавина ранее неизвестной информации. Соответственно возникли и вопросы. И я начал пытаться получить на них ответы из всех доступных источников. Прежде всего познакомился с тем, что написали о происхождении В.И. его близкие — Н.К. Крупская и двоюродный брат Н.И. Веретенников. О том, что у вождя было 33 двоюродных брата и сестры, я не догадывался, хотя слышал, правда, мельком об Ардашевых. Однако это моих сомнений не разрешило. Из прочитанного стало ясно одно: близкие В.И. и те, кто в своих исследованиях касались его родителей, старались аккуратно обходить вопросы генеалогии. В итоге больше всего сведений по этой теме оказалось в романе М.С. Шагинян.

«Отец Владимира Ильича, Илья Николаевич Ульянов, был родом из бедных мещан города Астрахани»², — скромно писала в вышедших в свет в 1926 г. «Воспоминаниях об Ильиче» А.И. Ульянова-Елизарова, хотя в детстве ездила в

гости к бабушке Анне Алексеевне в Астрахань и наверняка знала о калмыцком происхождении своего отца. Знала наверняка и генеалогию матери, М.А.Ульяновой.

Через пять лет, в 1931 г., А.И. Ульянова-Елизарова решила кое-что дополнить и уточнить: «Отец Ильи Николаевич происходит из мещан г. Астрахани. По некоторым, не вполне проверенным данным, дед Владимира Ильича был портным.

По национальности Илья Николаевич был русским, но некоторая примесь монгольской крови несомненно имела, на что указывали несколько выдающиеся скулы, разрез глаз и черты лица. В Астрахани, как известно, значительную часть населения составляли издавна татары (не намек ли это на татарское происхождение? — *М.Ш.*)

Мать Владимира Ильича, Мария Александровна, была дочерью врача, передового, по своему времени, идейного человека, не умевшего прислушиваться и сколачивать деньги и потому не сделавшего себе карьеры»³.

Итак, Илья Николаевич, по национальности — русский, а Мария Александровна — дочь врача. Дочь врача — это бесспорно. Но кем же был по национальности врач Бланк? А.И. Ульянова-Елизарова хорошо об этом была осведомлена, но молчала не по своей воле. В 1932 г. она просила И.В. Сталина разрешить ей опубликовать эти сведения, но получила категорический отказ.

Примерно в том же духе пишет о родителях и М.И. Ульянова. В отличие от Анны Ильиничны она вообще не называет национальность Ильи Николаевича: «Он происходил из бедной мещанской семьи. Дед его был крестьянином, а отец жил в городе и служил в каком-то торговом предприятии (по профессии он был портным)»⁴. А в очерке о Марии Александровне указывает лишь, что ее отец, А.Д.Бланк, происходил из мещан⁵.

Столь же скупа на подробности и Крупская: «Отец Владимира Ильича, Илья Николаевич, был простого звания из астраханских мещан»⁶. И здесь недомолвка. Да, Илья Николаевич происходил из семьи мещан. Но ко времени рождения сына Владимира он был инспектором народных училищ и имел чин коллежского советника, приравняющий-

ся к воинскому званию полковника, и, следовательно, был личным дворянином. А в конце жизни Илья Николаевич — директор народных училищ и действительный статский советник, т.е. фактически генерал-майор, кавалер многих орденов, что давало право на потомственное дворянство.

Что же касается А.Д. Бланка, то Н.К. Крупская очень уклончиво говорит о его происхождении.

Тщательно изучив все написанное в нашей лениниане начиная с двадцатых годов о А.Д. Бланке, я пришел к выводу: его национальность скрывается не случайно. Обратил внимание и на то, что М.С. Шагинян во второй редакции романа «Семья Ульяновых» (опубликованной в переработанном и расширенном виде в 1957 г. в журнале «Нева», а в 1959 г. в уже упоминавшейся книге) опустила упоминание о национальности А.Д. Бланка. Хотя в первой редакции он был назван малороссом. Это свидетельствовало о том, что у нее появились сомнения в достоверности данного факта. И я решил докопаться до истины. Послал запросы в ИМЛ при ЦК КПСС, Центральный музей В.И. Ленина в Москве, в ленинградские архивы, а также написал М.С. Шагинян. Ответ из ИМЛ при ЦК КПСС свидетельствовал: по данному вопросу сотрудникам института ничего не известно. Лектор Центрального музея В.И. Ленина Е. Никитина ответила, что А.Д. Бланк «по национальности — обрусевший немец». Впрочем, логичнее было бы назвать его «обукраинившийся немец».

Прочитав письмо Е. Никитиной, мне оставалось только улыбнуться. К этому времени я уже знал ответ на свой вопрос.

Первой же мне ответила М.С. Шагинян: «К сожалению, пока не могу написать ничего утвердительного о родословной отца Марии Александровны. В воспоминаниях ее сестры Анны и ее дочери Анны Ильиничны сказано только одно: А.Д. Бланк был «малоросс». Ни о каких родственниках со стороны Александра Дмитриевича нигде в воспоминаниях я ничего не нашла. Есть сведения, что в Ленинграде ведутся розыски»⁷.

В ответ писательницы вкралась определенная неточность. Ни в одной из работ о семье Ульяновых, опубликованных к тому времени, А.И. Ульянова-Елизарова не говорила, что А.Д. Бланк по национальности был «малоросс». Об этом писала А.А. Веретенникова, сестра Марии Александровны, воспоминаниями которой пользовалась М.С. Шагинян в работе над романом⁸.

Вскоре после получения письма М.С. Шагинян я оформил допуск в читальный зал Центрального государственного исторического архива (ЦГИА) СССР в Ленинграде, ныне Российский государственный исторический архив (РГИА), и заказал первые дела. Среди них было и дело № 59 из фонда 1297, опись 10.

3 февраля 1965 г. молодая обаятельная сотрудница читального зала Сима (ныне С.И. Варехова заведует читальным залом РГИА) выдала мне документы. И как только я прочитал дело № 59, бросил взгляд на часы. Было 13 часов 15 минут, мне это запомнилось на всю жизнь. С первой минуты ознакомления с первым в моей жизни архивным делом я понял, что сделал открытие. Как новичок в архивном поиске, я не знал тогда, что наличие фамилий исследователей в листе использования архивного дела означает, что они знакомились с ним раньше меня. Не знал ничего о штатном сотруднике Музея истории Ленинграда А.Г. Петрове, чья фамилия стояла в этом листе. И, конечно, не предполагал, что он уже сообщил о своей находке М.С. Шагинян и та приехала по этому поводу в Ленинград. Тем более не мог предполагать, что в скором времени все перечисленные в этом списке лица, включая и меня, будут изображаться чуть ли не преступниками.

А пока я вновь и вновь перечитывал материалы дела, имевшего название: «По прошению студентов Житомирского поветового училища Дмитрия и Александра Бланков об определении их в Медико-хирургическую академию. Начато 24 июля 1820 г. Кончено 31 июля 1820 г.».

Первый лист представлял собой обычное прошение министру духовных дел и народного просвещения князю А.Н. Голицыну двух юношей, желавших поступить в Медико-

хирургическую академию. Но зато второй содержал взрывоопасный для тогдашних властей материал.

«Воспитанники Житомирского поветового училища Дмитрий и Александр Бланки подали Вашему Сиятельству прошение...

...Из просьбы Бланков, равно и из приложенных аттестатов, выданных им от Житомирского поветового училища, и свидетельства, данного им от священника здешней церкви преподобного Самсония Федора Барсова, о крещении их, не видно, из какого они состояния происходят»⁹.

И в виде вставки после имен просителей вписаны два слова: «из евреев».

Ключ к разгадке происхождения А.Д.Бланка был найден. Теперь оставалось найти само свидетельство о крещении. Иду на Псковскую, 18, где находится Государственный исторический архив Ленинградской области (ГИАЛО), ныне Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Небольшая задержка с выдачей дела (потом выяснилось, что с него делали фотокопию для М.С. Шагинян), и наконец в руках у меня метрическая книга Сампсониевского собора за 1820 г. Нахожу интересующее меня дело под названием: «О присоединении к нашей церкви Житомирского поветового училища студентов Дмитрия и Александра Бланковых из еврейского закона». В деле прошение на имя митрополита Новгородского, Санкт-Петербургского, Эстляндского и Финляндского, архимандрита Святотроицкой Александро-Невской лавры Михаила. В прошении, в частности, говорится:

«Поселясь ныне на жительство в С.-Петербурге и имея всегдашнее обращение с христианами, греко-российскую религию исповедующими, мы желаем принять оную. А по сему, Ваше Высокопреосвященство, покорнейше просим о просвящении нас святым крещением учинить Сампсониевской Церкви Священнику Федору Борисову предписание... К сему прошению Абель Бланк руку приложил. К сему прошению Израиль Бланк руку приложил»¹⁰.

10 июля 1820 г. братья Бланки приняли православие. «Причем восприемниками были первого, т. е. Абея, в кре-

щении названного Дмитрием, действительный статский советник сенатор Дмитрий Осипович Баранов и действительного статского советника Г. Шварца жена Елизавета Осиповна, второго, иначе названного Александром, действительный статский советник граф Александр Иванович Апраксин и означенного Баранова жена Варвара Александровна»¹¹.

По прочтении этого документа может возникнуть вопрос, почему братьям Бланкам необходимо было принимать православие, если 19 декабря 1804 г. Александр I утвердил Положение «О устройстве евреев», согласно которому разрешалось всех еврейских детей принимать и обучать «без всякого различия от других детей во всех российских народных училищах, гимназиях и университетах», производить их «в университетские степени наравне с прочими российскими подданными»¹².

Но не следует забывать, что это не давало евреям права на проживание в столице. Еще в 1791 г., после второго раздела Польши, из вошедших в состав Российской империи земель Белоруссии и Правобережной Украины, где жило много евреев, были созданы новые административные единицы. Екатерина II своими именными указами ограничила право «гражданства и мещанства» для евреев этими областями, добавив к ним Екатеринославское наместничество и область Таврическую¹³. В остальных губерниях России, согласно этим указам, евреи проживать не имели права. Таким образом была введена печально знаменитая черта оседлости, существовавшая в России до февральской революции 1917 г. Упомянутое же положение 1804 г. при Николае I было фактически отменено.

2. ПРЕОДОЛЕНИЕ ЧЕРТЫ ОСЕДЛОСТИ

Братья Бланки, как мы знаем теперь, учились в Житомире в поветовом (уездном) училище, то есть в русской школе. И это выделяло их из среды еврейских сверстников. К этому, очевидно, стремился их отец Мойша Ицкович Бланк, который хотел видеть своих детей образован-

ными людьми. До этого М.И. Бланк наверняка отдавал детей в общественную еврейскую школу — хедер. Школу, в которой еврейские дети обучались начиная с трех лет, оставляя ее при вступлении в брак. По требованиям еврейской религии, обучение детей было обязательным для каждого еврея, независимо от его материального положения. Несоблюдение этого правила считалось нарушением религиозных норм — отступничеством, вольнодумством. Правда, обучение считалось обязательным только для мальчиков. Поэтому-то среди евреев-мужчин не было практически ни одного, кто бы не умел читать. В то же время женщины, для которых учение было необязательным, обычно умели только читать молитвы на иврите и идиш. Если к тому же девушка умела писать и знала арифметику, то считалась образованной.

Переход братьев Бланков из иудаизма в православие прошел безболезненно. По тогдашним законам, чтобы приехать в Петербург и поступить в Медико-хирургическую академию, они должны были получить специальное разрешение от местной общины, ответственной перед властями за своих членов. Однако они не стали брать увольнительную от житомирского мещанского общества, к которому принадлежали¹⁴. Вскоре после поступления братьев в академию, 13 августа 1820 г., Сенат принимает указ «О исключении евреев, принявших христианскую веру, из еврейских обществ и из тех окладов, в коих они до принятия христианской веры состояли¹⁵. Но еще до издания этого указа братья Бланки, приложившие к своему заявлению свидетельство о крещении, были приняты в число воспитанников Медико-хирургической академии¹⁶.

Шаг Бланков по принятию православия оказался предсудительным. Когда к власти пришел Николай I, отрицательно относившийся к евреям, то врачей, принадлежащих к иудейскому вероисповеданию, стали вновь притеснять. Так, например, когда в 1836 г. врач И. Бертензон обратился в Министерство внутренних дел, в чьем ведении находился Медицинский департамент, с просьбой помочь ему получить место врача, то Николай I лично распо-

рядился использовать его «не иначе, как в одних западных губерниях»¹⁷. Это полностью соответствовало «Положению о евреях», утвержденному Николаем 14 апреля 1835 г.¹⁸. Более того, в 1844 г. Николай I требовал преградить евреям пути поступления на службу в гражданские ведомства до тех пор, пока они не примут христианство, а тех, кто находился на военной службе, не производить в чины, дающие права высшего состояния. Это вынудило министра государственных имуществ, графа П.Д. Киселева, не разделявшего подобных взглядов, секретно обязать министра просвещения не выдавать евреям дипломов, с тем чтобы открыто не отменять законы, дававшие евреям право на службу¹⁹.

А.И. Ульянова-Елизарова высказывала предположение, что братья Бланки имели в Петербурге какого-то старшего родственника (скорее всего, дядю) Дмитрия Бланка, принявшего раньше их православие и имевшего хорошие связи в Петербурге. Это предположение она делала на основании метрического свидетельства своей тети Е.А. Бланк, где среди восприемниц значится дочь иностранного купца Дмитрия Бланка — Любовь Бланк²⁰.

Однако изучение «Указателя жилищ и зданий в Петербурге, или Адресной книги с планом на 1823 год», составленного в 1822 г. С. Адлером, показало, что среди жителей Петербурга иностранный купец Дмитрий Бланк не значился. В «Книге адресов на 1837 год» К. Нистрема фамилия иностранного (впрочем, как и российского) купца Дмитрия Бланка также не упоминается. Нет ее и в известном справочнике «Петербургский некрополь». Попытки обнаружить какие-либо сведения о купце Дмитрие Бланке в фондах ЦГИА СПб также окончились безрезультатно. И я пришел к ошибочному выводу, что Любовь Бланк является дочерью Д.Д. Бланка от первого брака в Житомире. Окончив Медико-хирургическую академию, он забрал дочь в Петербург, где крестил ее в православную веру.

Подобная версия не была лишена основания. Дело в том, что в то время еврейские дети имели право вступать в брак в возрасте 14—15 лет, будучи физически и нравственно неразвитыми, неспособными содержать се-

мью. В связи с этим они находились на полном содержании родителей, что порождало семейные неурядицы и часто приводило к разводам, особенно когда у молодых супругов появлялись дети, также оказавшиеся на иждивении бабушек и дедушек.

Большому количеству разводов способствовало также то, что среди евреев процедура разводов была упрощена. Супруги, решившись развестись, должны были лично явиться к раввину и сказать ему о желании расторгнуть брак. При этом они обязаны были ответить на вопросы раввина о причинах расторжения брака и заполнить разводной лист по определенной форме. Этот лист подписывал не только муж, подающий на развод, но и свидетели. В их присутствии муж со словами «ты от меня уходишь и можешь поступить в супружество с кем пожелаешь» передавал своей жене разводной лист. С этого момента супруги считались разведенными. Если впоследствии они решали вновь заключить супружеские отношения, то обязаны были вступить в повторный брак с соблюдением всех необходимых при этом формальностей²¹.

Таким образом, были основания предположить, что Д.Д. Бланк мог жениться первый раз до приезда в Петербург. После окончания Медико-хирургической академии он был переведен из податного в купеческое сословие, так что его дочь могла называться дочерью купца. Пусть это не покажется читателю странным, что я учитывал и тот факт, что в ноябре 1816 г. М.И.Бланк обратился в Волынский главный суд с просьбой заключить под стражу его старшего сына Абея (в крещении Дмитрия Дмитриевича), нанесшего ему побои и словесные оскорбления²². Избиения и словесные оскорбления могли произойти, учитывая характер М.И. Бланка, из-за его вмешательства в семейную жизнь сына. М.И. Бланк, по моему мнению, вполне мог довести сына до развода, если ему по каким-либо причинам не нравилась невестка.

Любовь Бланк могла быть и дочерью Д.Д. Бланка от второго брака (он женился в Петербурге на Александре Гавриловне Ивановой). Правда, тогда, на момент рождения пле-